

9. Ю.А. Сорокин

Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва

9. Y. Sorokin

Institute of linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow

ПОПЫТКА ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА КУЛЬТУРЫ В РАМКАХ НОВОГО КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АППАРАТА

THE ATTEMPT TO COMPREHEND THE PHENOMENON OF CULTURE IN THE FRAMEWORK OF THE NEW CONCEPTUAL APPARATUS

Ключевые слова: культура, общение, этническое сознание, ментальное пространство

Keywords: culture, dialogue, ethnic consciousness, mental space

Для эффективного изучения интеркультурного общения необходимо изучать два вида ментальности: этническую синментальность и палеоментальность, а также формы взаимосвязи между ними. Коллективные этнические и институциональные портреты и автопортреты являются элементами «этническими типов» (по аналогии с психологическими типами Юнга). В связи с этим целесообразным представляется использование понятия «этнического раппорта» и «резервата этнического характера», так как наблюдается сходство и в способах структурирования портретов и автопортретов, и в характере их когнитивно-аксиологических составляющих.

For effective studying of cross-cultural dialogue it is necessary to study two kinds of mentality: ethnic sin-mentality and paleo-mentality, and also some interrelation forms between them. Collective ethnic and institutional portraits and self-portraits are elements of «ethnic types» (by analogy to Young's psychological types). According to it concepts «ethnic repeat» and «reservation of ethnic nature» are to be used, because there is some similarity both in the methods of the structuring of portraits and self-portraits and in the nature of their cognitive-axiological components.

В настоящее время становится очевидным, что для эффективного изучения интеркультурного общения необходима интенсивная фокусировка внимания на этнической синментальности (следовательно, существует потребность в *синэтнопсихолингвистике*) и палеоментальности (следовательно, существует потребность в *палеоэтнопсихолингвистике*), а также на формах взаимосвязи между этими двумя видами ментальности (см., например, работы Гумилева, Гуревича, Ле Гоффа, К. Леонтьева, Хейзинги, Ясперса).

По-видимому, наиболее надежной для такого изучения является пассионарная теория Л.Н. Гумилева (исходя из нее, допустимо считать пассионеру основной операциональной единицей синментальности и палеоментальности) наряду с игровой теорией Хейзинги, диалогическими установка-

ми Бахтина и его идеей хронотопа (вернее, *хорохрона* – син- и палеоментального), в рамках которого осуществляется противопоставление сущего и должного, тленного и вечного, или интерпретативными процедурами, предлагаемыми Гадамером (этнопсихолингвистическая герменевтика).

Если понимать пассиорему как единицу описания классов неречевых поступков (не отнюдь *не действий*), указывающую на реорганизацию этнического пространства за счет ментально-культурологических взрывов (по Лотману), изменяющих модусы взаимосвязей синментальности и палеоментальности (в этой связи особую важность приобретает проблема потерь и компенсаций в этнических утилитарно-ценностных «картинах мира»), то (*этнопсихо*)*бихевиолектему*/(*этнопсихо*)*семиолектему* следует считать единицей описания класса речевых действий. Иными словами, этническое пространство/этническое поле есть не что иное, как когерентная совокупность пассиорем (как форм, в которых реализуются когиолекты) и бихевиолектем/семиолектем. (ПРИМЕЧАНИЕ: В свою очередь, бихевиолектемы/семиолектемы целесообразно подразделять на *синэтнопсихологемы* и *синэтнопсихолингвемы*, *палеоэтнопсихологемы* и *палеоэтнопсихолингвемы*).

Именно понимание этнических пространств/полей как *бихевиолектных/семиолектных* позволяет уяснить способы их построения и взаимодействия – их межличностную и межгрупповую конгруэнтность, указывающую на пределы идентификации. (ПРИМЕЧАНИЕ: По-видимому, следует отличать *структурную* идентификацию от *мимикрирующей* в зависимости от *дифференциальных* (защитных) свойств этноса. Структурная идентификация сигнализирует о слабой, а мимикрирующая – о сильной самозащите этнического организма от предполагаемых или реальных этносов-конкурентов). Если это так, то для изучения процессов идентификации особенно важным является моделирование бихевиолектной/семиолектной структуры личности – ее палеоэтнопсихолингвистических и синэтнопсихолингвистических свойств. И особо важную роль в таком изучении могут, по-видимому, сыграть *прецедентная аксиология* и *прецедентная праксиология* – методики установления и интерпретации прецедентности.

Не менее чем структура личности важна для изучения син- и палеопространства/полей установка на понимание их как «локусов» бессознательной объективности и прогрессии (ср. с сознательной субъективностью и прогрессией у Пятигорского), а также понимание сознания как процесса созерцания, характерным образом специфицирующего каждый этнический организм (отсюда – важность соотнесения одного типа созерцания с другим) и противопоставленного разуму как процессу рационализации.

Можно предположить, что сосуществование – в противопоставлении созерцания и рационализации создает соответствующее напряжение в син- и палеопространствах/полях, причем преобладание созерцания над разумом создает предпосылки для формирования толерантного этнического характера (*ментальная интрузивность*), а преобладание разума над созерцанием – предпосылки для формирования агрессивного этнического характера (*ментальная инвазивность*).

(ПРИМЕЧАНИЕ: В связи с этим важными представляются типы связей между интрузивностью и инвазивностью и профессиональными контекстами, в которых они существуют. Не менее важны и связи интрузивности или инвазивности с микромоделями (речевого и неречевого) поведения, диктуемого различиями (например, по Фромму) между оральным, анальным, генитальным и рыночным субхарактерами).

(ПРИМЕЧАНИЕ к примечанию: При изучении ментальной интрузивности и инвазивности следует, конечно же, учитывать и такие продуктивные идеи, как, например, идею Сартра о свободе как об онтологическом признаке подлинного человеческого существования или соображения Камю и Кьеркегора о метафизическом бунте (показательны в этом отношении и рассуждения Шестова) как о символе поисков смысла бытия (его креативности или деструктивности) – бытия, вопрошаемого самосознанием тех, кого Гумилев называл пассионариями и которых можно было бы назвать интрузивными личностями).

Из понимания ментальных пространств как интрузивных или инвазивных следует, что интрузивные пространства являются, очевидно, пространствами-донорами, а инвазивные – пространствами-реципиентами. Состояние игры-борьбы между ними (и в самих этих пространствах) диктует использование соответствующих син- и палеоэлементов, позволяющих судить о правилах (этикете) этой игры на основании, например, анализа структуры и языка символов и снов (*этнических снолектов*), способов маскирующегося говорения (лжи), паремиологических «привычек» (указывающих на фундаментальные соотношения и противопоставления в рамках этнического опыта) и тактик чтения соматологических и ландшафтных карт.

(ПРИМЕЧАНИЕ: Можно предположить, что в исследованиях такого рода немаловажным окажется и выяснение характера прототипов/концептов (по Рош и Вежбицкой), их бихевиолектной/семиолектной ауры, изменяющейся в зависимости от нахождения их в синпространствах (синпрототипы/синконцепты). В связи с этим, несомненно важным является изучение бихевиолектных/семиолектных антонимов и синонимов, характерных для некоторых двух сопоставляемых синпространств или палеопространств, ибо наличие первых свидетельствует, по-видимому, о запрете на совершение соответствующих ментальных поступков, а наличие вторых – о возможных, но нереализованных ментальных поступках. Иными словами, представляется целесообразным создание *этнопсихолингводелической* драматургии (син- и палеодраматургии), в рамках которой могли бы исследоваться реализованные возможности этнического развития, а также реконструироваться несостоявшиеся этнические сценарии/сюжеты и выясняться причины их неприятия).

В настоящее время не менее очевидным становится тот факт, что изучение вышеуказанной совокупности проблем не может осуществляться – ибо оно неэффективно и непродуктивно – с помощью аналитических методов. Необходимы нормативно-оценочные подходы, позволяющие «объяснять» метафору метафорой, строить метафорическую речь-исследование, исходя из того, что культура есть синергетическая и синестезическая данность, чье

восприятие, понимание и объяснение возможно лишь, говоря словами Хайдеггера, как прыжок в «несокрытое» (как «непременное-себя-удержание-от-проявления в пользу воспринимаемости дара ...»), который подготавливается и осуществляется именно такой речью.

Позволительно утверждать (см., например, статьи Мамардашвили, посвященные рассмотрению проблем культуры), что вышеупомянутые понятия не будут отторгаться культурософскими/семиософскими контекстами и окажутся в достаточной мере эвристическими. Возможно, таковыми окажутся понятия: *культурогенетика* (основные базовые единицы – *культуроген*, *культурон* (по аналогии с кодоном) и *стоп-культурон* (сопоставьте это понятие с идеей о запрещенных сценариях/сюжетах)), *культуросема* и *культуроплазма* (как ядро и периферия культуры), *культурогенная эволюция*, в рамках которой следует, очевидно, различать *имажеттику/имажетивику*, ориентированную на изучение образов сознания и самосознания, и *ресивику*, ориентированную на изучение тех же образов, но существующих опредмеченно (в вещах и поступках – в том числе и текстовых поступках), *культурогенные карты* и *культуроемкие «технологии»*. В высшей мере эвристическими и полезными окажутся, на мой взгляд, и следующие понятия: *культурокинез* (деление тела культуры), *культурогенная транскрипция* и *трансляция* (синтез пассиогем и бихевиолектем/семиолектем и приписывание им соответствующих когитивных (син- и палео) маркеров) и *культурогенотип*.

Наряду с использованием новых концептов-понятий и рассмотрением их креативных возможностей представляется необходимым (особенно сейчас) проведение интенсивных экспериментальных исследований, ориентированных, с одной стороны, на установление валидности предлагаемых новых концептов-понятий и, с другой стороны, на выяснение того, какие иные, кроме вышеперечисленных, концепты-понятия могут оказаться полезными для изучения процессов интер- и интракультурного общения (а, тем самым, и культуры).

Например, изучая структуру этнических и институциональных портретов и автопортретов русских, американцев и японцев, удалось выяснить (конечно же, эти выводы носят предварительный характер), что и портреты (американцев, увиденных глазами русских, и русских, увиденных глазами американцев), и автопортреты представляют собой противоречивый, но целостный набор качеств, в котором можно выделить ядро и периферию. По аналогии с проксеимическим пространством эти качества можно рассматривать как ментальное пространство сознания, предопределяющее конструктивный или деструктивный характер вербального и/или невербального человеческого поведения. Причем, если считать, что это – «круговое пространство», то по аналогии с герменевтическим кругом – можно говорить о существовании ментально-этнического круга (понимания), а если считать это пространством линейным, то – по аналогии с горизонтом понимания (герменевтическим горизонтом) – можно говорить о существовании ментально-этнического горизонта понимания. В свою очередь, ядро качеств в портретах «А» (американцы, увиденные глазами русских) и «Р» (русские, увиденные

глазами американцев) состоит из ряда «сгустков» (квазикластеров). Эти качества однородны в том смысле, что отсылают – за редкими исключениями – к миру положительного. В этом отношении они противопоставлены периферийным качествам – неоднородным и амбивалентным, отсылающим как к миру положительного, так и к миру отрицательного (ср. расчетливые и умные, ограниченные и целеустремленные – портрет «А» и заботливые и агрессивные, добрые и ленивые – портрет «Р»). В ряде случаев в этническом портрете оказываются совмещенными противоположные по своему характеру признаки: гостеприимные и меркантильные/корыстные (портрет «А»), ленивые – много работают, добрые – агрессивные (портрет «Р»).

Аналогичным образом структурированы и автопортреты – автопортрет «А» (американцы о себе) и автопортрет «Р» (русские о себе).

При сопоставлении портрета «А» (американцы, увиденные глазами русских) и автопортрета «А» (американский этнический стереотип) выяснилось, что некоторые качества оказываются совпадающими – ср. предприимчивые, меркантильные, корыстные, прагматичные (портрет «А») и материалисты, индивидуалисты, живут своими проблемами, ориентированные (только) на себя (автопортрет «А»). По-видимому, такого рода качества являются базой, на которой может «строиться» общение и выбираться те или иные нормы – жесткие (антитолерантные/отрицательные) и мягкие (толерантные/положительные). Жесткие формы будут, очевидно, выбираться в тех случаях, когда эти качества не присущи какому-либо другому автопортрету, а отсутствие их – по тем или иным причинам – осознается как этническая дефектность (этнический недостаток). Именно такое осознание и служит одной из причин возникновения этнических конфликтов.

Мягкие формы выбираются тогда, когда эти качества, если они даже не присущи какому-либо другому автопортрету, осознаются как компенсированные другим набором качеств, оцениваемых столь же положительно (или еще выше).

Показательно также, что антропонимический фрагмент коллективного портрета японцев (японцы глазами русских), как и антропонимический образ русских в американской аранжировке, является неоднородным и гиперредуцированным (этот феномен можно было назвать феноменом *антропонимического разрежения или персонифицирующей недостаточности*).

Эти результаты позволяют предположить, что: 1) базовые и периферийные качества есть поле взаимных замен, степень и скорость которых свидетельствуют о мере влияния институциональной (цивилизационной) среды и указывают на изменения в структуре этнического характера, 2) антропонимические фрагменты (во всяком случае, русские) тех или иных портретов и автопортретов являются «шифрами», ключи к которым представлены базовыми качествами. Иными словами, любое из имен в антропонимическом фрагменте следует рассматривать как интерпретанту, а базовые качества как интерпретирующее.

Коллективные этнические и институциональные портреты и автопортреты являются элементами того, что можно было бы назвать *этническими*

типами (по аналогии с психологическими типами Юнга). В связи с этим целесообразным представляется использование понятия *этнического раппорта и резервата этнического характера* (в истолковании понятий раппорта и резервата личности я опираюсь на Юнга), ибо наблюдается – несмотря на различие – несомненное сходство и в способах структурирования портретов и автопортретов, и в характере их когнитивно-аксиологических составляющих. Не менее ясно прослеживается в портретах и автопортретах и предпочтительность в выборе базовых качеств, а также сфер деятельности – та предпочтительность, благодаря которой этническое и институциональное сознание приобретает специфическую (приоритетную) конфигурацию.

(0,3 п.л.)